

«КРАСНЫЕ ЛЕНТЫ» В СФЕРЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

ТРУБНИКОВА Екатерина Ивановна – д-р экон. наук, доцент, проф. кафедры управления производством. E-mail: ei.trubnikova@gmail.com

Калининградский государственный технический университет, Россия

Адрес: 236022 г. Калининград, Советский проспект, д. 1

Аннотация. Статья посвящена исследованию бюрократических механизмов, действующих в системе высшего образования. Термин «Red Tape» в современной экономической литературе связывают с наличием излишних нормативных требований, которые отвлекают временные и финансовые ресурсы общества и не способствуют приращению общественного благосостояния. «Красные ленты» подразумевают чрезмерное, бессмысленное оформление документов, высокую степень формализации и ограничений, ненужные процедуры и многочисленные неэффективные элементы регулирования. Перманентное реформирование отрасли образования РФ сопровождается потоком требований регулятора, выполнение которых неоднозначно влияет на регулируемую сферу. Целью статьи является выявление отрицательных последствий бюрократического процесса в сфере науки и образования с позиции концепции Red Tape. В статье представлен анализ нескольких кейсов, которые содержат в себе элементы «красных лент», оказывающих негативное воздействие на регулируемую сферу.

Ключевые слова: Red Tape, «красная лента», бюрократизация в сфере образования, провалы регулирования в системе высшего образования, коррупция, превращенные формы

Для цитирования: Трубникова Е.И. «Красные ленты» в сфере науки и образования // Высшее образование в России. 2018. № 1 (219). С. 108–121.

Теория «red tape» и её применение при исследовании системы образования. Введение термина «красная лента» («red tape») относится к XVI в., когда государственные бумаги перевязывались лентой алого цвета. В современной научной литературе его связывают с чрезмерным регулированием, жёстким соответствием формальным правилам, с наличием излишних нормативных требований, которые отвлекают временные и финансовые ресурсы общества, а поэтому препятствуют приращению общественного благосостояния. Правила, воздействие которых относится к типу «красная лента», подразумевают чрезмерное или бессмысленное оформление документов [1], высокую степень формализации и ограничений [2–3], ненужные процедуры, неэффективные элементы регулирования, неоправданные затраты и потери времени [4]. Как подчеркивает Б. Бозман [5], формализация является

неотъемлемым атрибутом организации; «красные ленты» рассматриваются как её патология.

Теория «red tape» выделяет два типа дисфункциональных правил: правила, рождённые плохими («rules born bad»), и хорошие правила, ставшие плохими («good rules gone bad»). К первому типу относятся правила, изначально созданные как дисфункциональные (rule-inception tape). Ко второму типу – правила, которые изначально выполняли полезную для общества функцию, но впоследствии «эволюционировали» к состоянию красной ленты (rule-evolved tape); в одних обстоятельствах они могут приносить общественные бенефиции, в других же – лишь издержки и вред [5–6]. «Red Tape» ассоциируется с излишними ограничениями, которые кажутся бессмысленными [7], приводят к разочарованию акторов регулируемой сферы, но могут содержать и определённые

элементы социальных выгод [8]. С одной стороны, «красная лента» может быть следствием спроса на подотчётность бюрократии и инструментом защиты общественных интересов, с другой – выступать элементом организационной девиации (Red Tape as a Bureaucratic Pathology).

В сферах, для которых характерно чрезмерное регулирование, чиновники могут применять административный ресурс для извлечения личной выгоды за «привилегию» пропуска бюрократических процедур, требуемых согласно той или иной «красной ленте» [9] (соответственно, отмечается наличие положительной связи между распространением коррупции и расширением бюрократических процедур). В исследовании П. Мауро подчёркивается, что правила «red tape» делают коррупцию возможной, а коррумпированные чиновники, в свою очередь, могут увеличить масштабы таких правил для получения дополнительных частных выгод [10]. Таким образом, зарубежные исследователи считают «red tape»-теорию хорошим инструментом объяснения коррупционных действий в системе высшего образования [11–14].

Данная тема нашла отражение и на страницах отечественных периодических изданий. При этом в анализе тенденций развития сферы науки и образования эксперты используют разную терминологию, которая имеет общую черту – акцентирует внимание на патологических элементах возрастающего бюрократического процесса в отрасли. Исследования показывают, что перманентное реформирование системы образования РФ включает в себе целый поток требований регулятора, выполнение которых отвлекает ресурсы общества и фактически имеет негативное воздействие на регулируемую сферу. Так, В.П. Бабинцев отмечает феномен «сверхрационализма» в образовательной сфере, когда внедрение «рационального конструирования формальных систем» происходит в условиях отсутствия «рационально обоснованных

смыслов», обращает внимание на процессы «социокультурных изменений, отражающих превращение субкультуры чиновничества в культурный мейнстрим российского общества» [15]. По мнению учёного, проблема бюрократизации типична для цивилизационного развития и соответствует «культурному мейнстриму постиндустриальной эпохи». Однако в вузовской среде она приводит к «упрощению и примитивизации образовательного процесса». При этом негативные тенденции «маскируются» под улучшение, технологизацию, «инновационную ангажированность» [15] и иные общественно значимые ориентиры. А.Ф. Красинская рассматривает в качестве неотъемлемых черт современной образовательной среды чрезмерную забюрократизированность, процесс бесконечного переделывания документации для проверяющих органов, «процентоманию», тотальный контроль и недоверие, что снижает «и без того невысокое качество работы» [16]. При этом стирается граница между реальными и имитированными результатами деятельности. В статье Х.Г. Тхагапсоева и М.Б. Сапунова отмечается, что конструируемая государственными интервенциями в сфере образования реальность принимает «превращённые формы» [17]. В статье Д.А. Ендовицкого, Ю.А. Бубнова и К.М. Гайдар, посвящённой тенденции роста объёма документооборота вуза [18], акцентируются отрицательные последствия бюрократизации. Исследователи обращают внимание на проблему «документов, которые практически не используются, хотя на их производство были затрачены немалые ресурсы», на психологические проблемы исполнителей, сознающих бессмысленность своих действий. Сезонные и внезапные запросы контролирующих структур не только отвлекают сотрудников организации от прямых обязанностей, но и приводят к росту численности административного персонала. Исследование М.В. Кочеткова выявляет негативные тенденции в сфере образова-

ния, проявляющиеся в распространении «культуры манипулирования социальными благами», процессов «многоуровневого контроля», «распределения и перераспределения денежных потоков и квот», в появлении «форм управления, поощряющих иждивенческие настроения» и бумаготворчество [19]. Организация перестает отвечать своим первоначальным целям, вся цепочка бизнес-процессов становится ориентированной на контроль. Формируется «ориентированное на контроль» поведение экономических агентов образовательной среды, происходит диффузия рекурсивного контроля [20] на смежные виды активности.

Через призму теории «красных лент» элементы процесса бюрократизации могут быть разделены на требования, желательные для общества, и требования, несущие лишь издержки. При этом негативные тенденции современной системы отечественного образования можно рассмотреть именно как красные ленты, целесообразность наличия которых необходимо поставить под сомнение. Более того, отдельные инструменты политики в области образования, призванные выполнить общественно желательные цели, в действительности лишь усугубляют ситуацию. Так, например, «ловушка аудиторных часов» есть результат стремления регулятора выполнить «указы Президента» по доходам ППС в отсутствие финансирования [21], «процентомания» – результат стремления отечественных учебных заведений попасть в международные рейтинги любыми способами (даже в ущерб качеству), имитационная активность – результат гонки за иллюзорными показателями, а тотальный контроль – один из методов решения проблемы коррупции в рамках «экстрактивной» институциональной среды (в терминологии Асемоглу и Робинсон [22]). Нельзя отрицать, что некоторые цели отвечают критерию общественных интересов. Однако в условиях отсутствия финансирования, преобладания рентоориентированной экономики мероприятия по модер-

низации обретают «превращённые формы» и способны лишь снизить «и без того невысокое качество работы» [16].

При исследовании элементов «красной ленты» необходимо выделять функциональный объект воздействия правила (цель, для которой создаётся правило) и эффективность правила (то, в какой степени данное правило позволяет решать проблему). *Целью статьи* является анализ негативных последствий бюрократического процесса в сфере науки и образования, выявление элементов «red tape» в нормативных актах, акцентирование внимания на абсурдности отдельных положений формируемой институциональной среды. В статье представлен анализ нескольких кейсов, которые содержат в себе элементы «красных лент», оказывающих негативное воздействие на регулируемую сферу. Наше исследование подводит к выводу, что отдельные нормы регламентирующих документов не способствуют повышению качества образования, а в результате «превращения» преследуют иные, незаъявленные цели. При этом во всех анализируемых случаях действия регулятора по решению проблемы асимметрии информации и росту контрольных функций для повышения качественных характеристик образовательного и научного процесса приводят к противоположным результатам.

Следует заметить, что международные организации и государственные структуры многих стран имеют программы по сокращению «красных лент» («The Cutting Red Tape Programme»), которые позволяют снизить бюрократическую волокиту в том или ином секторе¹.

¹ Cutting Red Tape: Publication Series. OECD. Available at: <http://www.oecd.org/countries/vietnam/cuttingredtapeseries.htm>; Cutting Red Tape. IFC. Available at: http://www.ifc.org/wps/wcm/connect/news_ext_content/ifc_external_corporate_site/news+and+events/news/cutting+red+tape; Best ideas nominated for Red Tape Reduction Award. Available at: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-09-523_en.htm

«Борьба за качество научных кадров» и требование повышения квалификации для преподавателей вузов. Первый рассматриваемый кейс включает мероприятия в рамках достижения общественно значимой цели – повышения квалификации сотрудников отрасли. Ведущие европейские и американские вузы в качестве средства повышения квалификации преподавателей рассматривают научные исследования, участие в конференциях, дискуссиях, воркшопах, симпозиумах, что совпадает и с позицией отечественных исследователей [23]. Результат научных исследований отражается в виде публикации статей в рецензируемых журналах, монографий, выступлений на конференциях, защиты диссертаций. Однако проведение исследований достаточно сложно поставить под контроль и объективно оценить. В современных условиях решение задачи повышения качества образования приобретает иные формы: в существующих институциональных рамках отечественной системы науки и образования повышение квалификации подразумевает обучение, которое требует наличия определённого сигнала – и таким сигналом, как правило, выступает документ государственного образца.

Для работника системы образования актуальными становятся два вида сигналов: документ о необходимом базовом образовании (для возможности преподавания дисциплин в рамках своих научных интересов) и документ о периодическом повышении квалификации. И в том, и в другом случае ситуация с «приобретением» квалификации доведена до абсурда. Квалификация перестаёт иметь ценность сама по себе, принимает «превращённую форму», которая «создаёт двойной мир», где «иллюзорное занимает место реального и воспринимается как единственно реальное бытие» [24] (см. [17; 25]). Ситуации посещения лекций коллег для удовлетворения научного интереса в мировой практике достаточно распространены, но случай, когда профессор вместе со студентами слушает лекции по своей научной тематике только

для получения «документа соответствия», вызывает недоумение. Требуемое регламентирующими документами базовое образование, соответствующее профилю преподаваемых дисциплин, многими вузами трактуется как желательность (по факту во многих случаях – как обязательность) получения преподавателем дополнительного образования (см. [26], а также выступление профессора Р.М. Петрунёвой в рамках круглого стола «Подготовка научно-педагогических кадров, педагогика высшей школы и инженерная педагогика» [27]). Общая тенденция подтверждается исследованиями В.П. Шестака и Н.В. Шестак: «Половина опрошенных кандидатов наук поступают или планируют поступить в магистратуру» [28]. Не имеет значения, объясняется ли это требованием контролирующих структур, трактовкой документов администрацией вуза или желанием угодить органам контроля: в любом случае это отвлекает временные и финансовые ресурсы работников отрасли от их непосредственной деятельности на действия по соответствию формальным и неформальным правилам, представляющим собой примеры «красных лент».

В результате активный исследователь, например в области права, не может вести правовые дисциплины в силу отсутствия базового юридического образования, но он формально может вести дисциплины, соответствующие когда-то полученному базовому образованию, в сфере которого его знания не ушли за рамки студенческого уровня. И наоборот, лектор с базовым юридическим образованием, посвятивший годы после окончания вуза исследованию вопросов иной профессиональной области, формально может читать лекции по праву, не относящиеся к его текущим научным интересам. Следует отметить, что многие лауреаты Нобелевской премии (НП) по экономике обладали непрофильным базовым образованием: Я. Тинберген (НП, 1969) имеет базовое образование в области физики; Д. Хикс (НП, 1972) – степень магистра искусств; К.

Эрроу (НП, 1972) – бакалавр по математике; В. Леонтьев (НП, 1973) – базовое образование в области философии и социологии; Г. Мюрдаль (НП, 1974) – базовое образование в области юридических наук; Л. Канторович (НП, 1975) – базовое образование в области математики; Г. Саймон (НП, 1978) – степень бакалавра и доктора политологии; Р. Соллоу (НП, 1987) – образование в области социологии и антропологии; Г. Беккер (НП, 1992) – степень бакалавра и магистра по социальным наукам; Д. Харсаньи (НП, 1994) – образование по специальности «Фармакология»; Р. Лукас (НП, 1995) – степень бакалавра истории... И данный список можно продолжить.

Другой, не менее значимый сигнал в сфере образования – документ о периодическом повышении квалификации. Требуемое регламентирующими документами повышение квалификации приводит к тому, что время преподавателя расходуется на посещение базовых и хорошо известных для него курсов, либо курсов, не имеющих никакого отношения к его научной и профессиональной деятельности [26]. Требуемое регулятором повышение квалификации имеет отрицательный эффект на регулируемую сферу, поскольку обретает «превращённую форму» и приводит к формальному поведению по удовлетворению формальных норм вопреки профессиональным интересам. Квалификация подменяется сигналом о её наличии, а знания и навыки без наличия документа подтверждения перестают иметь какую-либо ценность. Наблюдается диссонанс между функциональным объектом воздействия данного правила (целью) и результатом его выполнения.

«Красные ленты» государственных стандартов: «good rules gone bad» или «rules born bad»? Следующий рассматриваемый кейс – государственные стандарты обучения, которые призваны выступать сигналом о структуре, объёме и условиях реализации образовательных услуг, должны

обеспечивать единство образовательного пространства РФ (сопоставимость) и преемственность между программами разного уровня. Другими словами, стандартизация, с одной стороны, снижает асимметрию информации и облегчает выбор потребителя услуг, с другой – может способствовать интеграции системы образования РФ в международную образовательную среду. В реальности же нескончаемая модификация стандартов выступает атрибутом «Red Tape», принимает «превращённые формы» и оказывает неоднозначное влияние на состояние регулируемой сферы.

Дискуссия относительно стандартов обучения широко представлена в научных публикациях [30–32]. Учёные пишут, что стандарты в существующем виде ограничивают развитие, потворствуют имитации, порождают псевдонаучную и бессмысленную деятельность. Наличие необходимой документации, соответствующей регламентирующим нормам, начинает доминировать над истинными целями образовательного процесса.

Современный преподаватель далеко не всегда может выбрать преподаваемые им курсы и дисциплины, а научные интересы преподавателя могут не соответствовать его «базовому» образованию. По факту «один преподаватель ведет 6–7 разных предметов... поэтому говорить об обеспечении качества образования становится сложно» [33]. При этом исследователи отмечают, что даже высокая острепенность, которая «теоретически должна гарантировать более высокое качество образования» и предполагает «глубину знаний в определённой предметной области», не может обеспечить «качество преподавания упомянутых выше семи предметов». И для каждой из этих 6–7 дисциплин необходимо переработать документацию под нескончаемое изменение стандартов обучения.

Вопрос об эффективности и эффективном распределении ресурсов может быть рассмотрен с разных точек зрения: если ис-

пользовать «нейрохирургов для копания котлованов», то путём оснащения их необходимой техникой можно добиться увеличения эффективности в копании котлована (Х-эффективность и аллокационная эффективность [34]). Так и профессорско-преподавательский состав может быть загружен работой клерков, не требующей квалификации профессора и не предполагающей наличия учёной степени. Более того, преподаватели могут даже добиться увеличения эффективности в реализации модификаций документации (путём многократного повторения итераций). Вопрос только в целесообразности выполнения такого рода работы.

Многоитерационное изменение документации в силу существования структур, проверяющих их наличие и корректность, невозможно исключить из временных затрат преподавателя. Более того, внешние требования не только порождают действия по соответствию, но также приводят к многоступенчатому росту внутренней бюрократии в организациях отрасли. Следовательно, в рамках преподавательской деятельности будут страдать иные виды активности, прежде всего – подготовка к занятиям и научная работа. Так, если целью модификации стандартов обучения является повышение качества образования, а по факту – время, которое ранее уделялось подготовке к занятиям, тратится на исполнение правила, то можно предположить, что цели данной регуляции не будут достигнуты.

Публикационная активность через призму «красных лент»: publish or perish. Следующий анализируемый кейс – публикационная активность преподавателя. Наряду с большими объемами учебной нагрузки (до 900 часов в течение учебного года) и административной работы, преподавателю необходимо выполнять высокие требования, касающиеся публикационной активности. В соответствии с Положением о присуждении учёных степеней требование по количеству публикаций в зависимости от отрасли на-

ки составляет для соискателя степени кандидата наук 2–3 статьи в списке ВАК, для докторской степени – 10–15 статей. Среди критериев присвоения учёного звания также фигурирует количественный показатель публикационной активности: для профессора – наличие не менее 50, для доцента – не менее 20 опубликованных учебных изданий и научных трудов. Требования вузов для соответствия должности иногда также впечатляют количественными показателями². Если предположить, что за три года обучения в аспирантуре исследователь опубликовал три статьи, требуемые для защиты, то, сохраняя идентичную интенсивность и далее, звание доцента он сможет получить через 17 лет, а через 47 сможет получить звание профессора, т.е. если исследователь поступил в аспирантуру в 22 года – сразу после окончания высшего учебного заведения, то в 42 он сможет получить звание доцента, а в 72 года – звание профессора. Остается только дожить: «publish or perish» («публикуй или погибнешь») [35].

Следует отметить, что количество не означает качество. Например, согласно исследованиям рекрутинга в американских вузах, научные достижения кандидатов, выраженные в количестве опубликованных статей, не имеют решающего значения [35–38]. При защите PhD, например, в отдельных европейских вузах достаточно одной акцептованной работы (ещё не опубликованной) и/или выступления на научной конференции

² Роткевич Е. (23.05.2016) Почему сотрудники СПбГУ решили выйти на митинг. Голоса 812. Available at: <http://www.online812.ru/2016/05/23/003/>; Конкурс на должность доцента. Available at: http://www.ifmo.ru/ru/page/200/konkurs_na_dolzhnost_docenta.htm; Доцент: Объявляется конкурс на замещение вакантных должностей профессорско-преподавательского состава от 08.02.2017. Available at: http://uti.tpu.ru/obwie_svedeniya/struktura_instituta/otdel_kadrov/vakansii/docent_obvavlyayetsya_konkurs_na_zameshchenie_vakantnoj_dolzhnosti_professorskoprepodavatskogo_sostava_ot_08022017/

должного уровня. Отдельные вузы допускают возможность защиты либо в виде набора опубликованных и акцептованных статей, либо в виде монографии, которая подразумевает единое целостное произведение, без указания жёстких требований как по количеству опубликованных (или акцептованных) работ, так и по структуре диссертационного исследования.

Действительно, есть определённая сложность – как для регулятора, так и для руководства учебного заведения – в определении качества научной работы, а установить для верификации количественные показатели гораздо проще. Однако, как отмечает Д.А. Новиков: «нельзя каждый день доказывать по хорошей теореме. Если стимулировать в науке только количественные показатели, ничего хорошего не получится» [39]. В данной связи можно вспомнить и о «законе Гудхарта», согласно которому показатель, используемый в качестве цели, перестаёт быть объективным инструментом и в результате теряет свою ценность.

Повышенные количественные требования к публикационным показателям приводят к имитации в научной среде, проявляются в росте количества некачественных статей и распространении низкокачественных публикационных площадок, ведь статьи соискателей учёных степеней и учёных званий должны быть где-то опубликованы. И по всем канонам экономической науки спрос рождает предложение (о развитии сети «серых посредников» см. [40]). Востребованность цитирования и стремление к росту индекса цитирования порождают другую аномалию – «научные картели» учёных, журналов, которые для увеличения показателей цитируют работы друг друга [41]. Такое поведение акторов в исследованиях разных сфер деятельности получило название «игра с системой», или «игра с правилами». Поведение акторов в рамках данной концепции подразумевает использование внутренних для системы правил и процедур с целью получения желаемого результата.

Система, нацеленная на количественные показатели, может не только мотивировать игроков на использование механизмов «игры с правилами», но и создавать стимулы для работ низкого качества и снижать возможности для проведения качественных научных исследований. В современных условиях происходит подмена: вместо борьбы за качество на первый план выходит борьба за показатели. Следовательно, чрезмерные требования к публикационной активности могут иметь результатом снижение процента качественных работ и отвлечение ресурсов от реальной науки.

Бюрократизация системы аттестации научных кадров: наука, возведённая в степень, и бесконечная дорога к званию. Стремление регулятора решить проблему асимметрии информации приводит к росту роли сигналов на рынке. Так, целью сигналов в виде учёной степени и учёного звания может выступать необходимость подтверждения наличия у того или иного сотрудника определённых компетенций [20]. Целью процесса присвоения учёной степени является приращение научного знания и защита гипотез, положений, теорий соискателя в процессе научной дискуссии. Однако диссертационное исследование, с точки зрения отечественного регулятора, далеко от эффекта неожиданности в творческом процессе. Несмотря на конвергенцию отраслей в современных технологических условиях, исследование может быть подготовлено только в рамках определённой отрасли наук, согласовано с паспортом специальностей с обязательным соответствием пунктов новизны исследования пунктам паспорта. Регулятором заранее определён описательный дизайн любого диссертационного открытия: «междисциплинарные исследования не для диссертаций». Сферы, не описанные регламентирующими документами и не регулируемые ими, исследовать зачастую нерационально – из-за неясных перспектив будущей защиты.

Перечень научных специальностей настолько «пророс корнями» в сознание отечественных исследователей и чиновников, что вопрос о его целесообразности просто не поднимается. При этом существование многих современных научных направлений (например, Law and Economics или Law and Technology) в рамках отечественной системы достаточно затруднительно. Диссертационный комитет во многих европейских вузах не имеет жёсткой структуры: члены комитета тщательно подбираются под каждую защиту, обеспечивая должный уровень профессионализма и объективности рассмотрения работы каждого соискателя. Если исследование соискателя в процессе написания работы затрагивает несколько иные, чем предполагалось первоначально, аспекты, то в помощь PhD-студенту могут быть привлечены один или несколько дополнительных руководителей (supervisors) и соруководителей (co-supervisors) из других научных центров. Наличие базового или иного уровня образования, необходимого для защиты соискателя, для супервайзера или члена диссертационного комитета не требуется. Учёный считается специалистом в той или иной области по наличию у него публикаций и исследований.

В современной России не все научные направления представлены диссертационными советами в том или ином регионе. При этом защита в диссертационном совете другого региона не всегда представляется возможной (в силу высоких транспортных и иных расходов). По отдельным научным специальностям количество советов в рамках страны очень незначительно. Более того, данные советы могут быть расположены в рамках одного региона, что лишает исследователей из других регионов возможности защитить результаты своей работы. Советы по «редким» специальностям («редким» не с точки зрения исследования, а с точки зрения возможности защиты) становятся своего рода «узким местом», приобретая власть монополии в данном виде активности.

Издержки соискателя учёной степени, чье исследование находится в рамках данного совета, зачастую становятся непосильно высокими. Монопольное положение в любом виде деятельности увеличивает возможности рентоискательства и коррупции, и сфера образования в данном случае не является исключением.

Согласно требованию нормативного акта текст диссертации должен быть доступен для ознакомления в сети Интернет: для соискателя степени доктора наук – не позднее чем за три месяца, для кандидата наук – не позднее чем за два месяца до дня защиты. Если исходить из срока трёхлетнего обучения в аспирантуре и отсутствия у соискателя накопленного материала к моменту поступления в аспирантуру, это означает, что на написание работы и публикацию как минимум двух–трёх статей в списке ВАК у соискателя степени кандидата наук остается чуть более двух лет. Дополнительные трудности соискателя могут быть вызваны пересмотром списка журналов, публикации в которых учитываются при присуждении учёной степени. Исследователь может столкнуться с ситуацией, когда на момент публикации журнал входил в требуемый список (ВАК), однако позже был исключён из него. Этот факт носит дискуссионный характер, но всегда может трактоваться проверяющими инстанциями не в пользу соискателя. Кроме выполнения требований по защите диссертации аспирант обязан освоить образовательную программу «с курсами, зачётами ...дополнительными испытаниями, текстами, которые надо написать помимо диссертации» [28].

Данные государственной службы статистики³ показывают, что процент лиц, окончивших аспирантуру с защитой диссертации, в 2015 г. упал на 30% по сравнению с 2012 г. и составляет 18% от общего количества вы-

³ Основные показатели деятельности аспирантуры. Федеральная служба государственной статистики. Государственная служба статистики РФ. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/nayka5.xls

пускников аспирантуры. Если принять во внимание сложность публикационного процесса [40; 42], чрезмерный уровень многочисленных нормативных требований, тенденцию усиления бюрократизации и необходимость выполнения образовательными организациями показателей эффективности, можно ожидать снижение этих показателей в отношении многих учебных учреждений. В.П. Шестак и Н.В. Шестак, анализируя состояние отрасли, констатируют «спад интереса у россиян к институту учёных степеней» и прогнозируют, что к 2020 г. «выпуск аспирантов с защитой диссертации станет экзотикой» [28]. Одновременно с этим можно ли утверждать, что возросло качество защищаемых работ?

В отличие от процедуры получения учёной степени, процесс получения звания представляет собой субъективное подтверждение уже случившихся фактов и является неким защитным механизмом для акторов, уже обладающих данным сигналом. В современных условиях требования к получению данного сигнала имеют тенденцию к увеличению: они касаются и срока работы соискателя звания в определённой должности, и количества учебников, пособий, научных публикаций, учеников соискателя и др. Публикационные требования действующего в настоящее время нормативного акта (Постановление Правительства РФ от 10.12.2013 г. N 1139 г.) многократно возросли по отношению к требованиям предыдущего документа (Постановление Правительства РФ от 29.03.2002 г. N 194):

- для соискателя звания профессора – с минимальных трёх научных публикаций (для звания «профессор по кафедре») и с 20 ВАКовских публикаций (для звания «профессор по специальности») до «не менее 50 учебных изданий и научных трудов... в рецензируемых научных изданиях»;

- для соискателя звания доцента: с «не менее двух учебно-методических работ», «не менее двух научных работ» (для звания «доцент по кафедре») и с «не менее 10 опу-

бликованных научных и учебно-методических работ или изобретений, в том числе не менее пяти, опубликованных после защиты диссертации» (для звания «доцент по специальности») до «не менее 20 опубликованных учебных изданий и научных трудов», опубликованных в рецензируемых изданиях».

Корреляция между количеством статей и их качеством отсутствует. В этой связи возникает множество вопросов: почему именно 20 (для доцента) и 50 (для профессора), с чем связано многократное увеличение требований по отношению к предыдущему акту, в чём заключались недостатки предыдущего регулирования системы аттестации? Почему требование для защиты докторской диссертации – 15 статей, а для получения звания доцента – 20? Каким образом количество публикаций способно повысить качество научных исследований и качество образования? Следует отметить, что ранее во многих диссертационных советах действовало неформальное правило: на защиту докторской диссертации соискатель мог выйти лишь после получения звания доцента. В современных институциональных рамках исследователь может удовлетворять требованиям, предъявляемым к соискателю степени доктора наук, но иметь недостаточное количество публикаций, чтобы получить звание доцента. Неужели профессор, получивший звание до введения акта 2013 г., менее заслуживает его по сравнению с теми, кто получает это звание сегодня? Или, напротив, публикации профессора или доцента, получивших звание до 2013 г., настолько весомы, что с ними не могут соперничать работы современных соискателей звания?

Кроме общей тенденции ужесточения правил, следует отметить также наличие проблемы неопределённости в дальнейших интервенциях регулятора. Ужесточение требований нормативных актов, постоянное изменение правил игры, пересмотр списка ВАК и списка диссертационных советов, изменение достаточных и необходимых условий могут сделать «дорогу» как к степени, так и

к званию бесконечной. Однако чрезмерные требования никаким образом не гарантируют качества научных работ.

Заключение

За последние годы произошло снижение количества вузов и филиалов, диссертационных советов, защит кандидатских и докторских диссертаций. Если целью проанализированных институциональных требований является снижение асимметрии на рынке образовательных услуг, интеграция отечественной системы в международное образовательное пространство и повышение качества в сфере науки и образования, а в результате их реализации мы наблюдаем несколько иной результат, то можем ли мы быть уверены, что в итоге «тотальной борьбы за качество» победили действительно наиболее сильные игроки? Не попали ли в число закрытых вузов те, кто пытался делать что-то действительно стоящее, но не смог удовлетворить чрезмерным регуляторным требованиям и стал жертвой существующих «красных лент»? Где гарантия, что среди отсеянных потенциальных соискателей не было будущего Михаила Ломоносова, Николая Кондратьева или Дмитрия Менделеева? Вполне возможно, что в результате отсева пострадали в том числе настоящие и будущие простые исследователи, которые не смогли «пережить» тотальную бюрократизацию. Как мы можем быть уверены, что ежегодно растущие требования не отталкивают от сферы образования талантливых исследователей, а «превращённые формы» не привлекают в отрасль все большее количество рентоориентированных игроков? В существующих институциональных условиях выбор претендентов для получения сигнала соответствия, как и выбор получателей финансирования, часто может быть охарактеризован как отрицательная селекция. Наблюдается усиление тенденций «научного протекционизма» и «субъективизма в оценке деятельности» преподавателей, исследователей, учебных и научных организаций [43].

Проанализированные в статье нормы «red tape» плюс низкая заработная плата в сфере образования фактически демотивируют молодых исследователей и делают бесперспективной их карьеру в вузовской среде. Общее количество защит диссертаций в России в 2015 г. по отношению к 2012 г. сократилось более чем на 40%. По данным Государственной службы статистики, средний возраст докторов наук среди исследователей в 1994 г. составлял 58 лет, в 2006 г. – 61 год, в 2015 г. – уже 63 года [44], что связано с общей тенденцией усиления бюрократизации процесса получения учёной степени и, по своей сути, противоречит лозунгам регулятора об омоложении кадрового состава научных исследователей. Акторы, уже входящие в искомую группу (уже имеющие учёную степень, звание, занимающие профессорскую позицию), как и выделенные для точечного финансирования вузы, разумеется, выигрывают от увеличения входных барьеров. А в итоге именно представители этой группы определяют степень и масштаб входных барьеров в отрасли.

Нормы, действующие в настоящее время, в связи с фактором «естественной убыли» через несколько лет могут привести к значительному сокращению лиц с учёным званием профессора и учёной степенью доктора наук, что может создать проблемы многим вузам с необходимой «остепенённостью» и, соответственно, будет препятствовать выполнению многочисленных показателей эффективности и нормативных требований многими учебными заведениями. В итоге наличие и рост количества норм «red tape» может соответствовать цели сокращения числа образовательных организаций (и, как следствие, снижения количества образованных людей), но не может вести к повышению качества образования.

Мероприятия по сокращению бюрократических препятствий и упрощению административных процедур, а также общее снижение бюрократизации отрасли науки и образования могли бы иметь положительное воздействие на развитие данной сферы.

Литература

1. *Bennett J.T., Johnson, M.H.* Paperwork and bureaucracy // *Economic Inquiry*. 1979. №. 17(3). P. 435.
2. *Hall R.H.* The concept of bureaucracy: An empirical assessment // *American Journal of Sociology*. 1963. № 69 (1). P. 32–40.
3. *Hall R.H.* Professionalization and bureaucratization // *American sociological review*. 1968. Vol. 33. № 1. P. 92–104.
4. *Bozeman B., Scott P.* Bureaucratic Red Tape and formalization: Untangling conceptual knots // *The American Review of Public Administration*. 1996. № 26 (1). P. 1–17.
5. *Bozeman B.* A theory of government “Red Tape” // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 1993. № 3 (3). P. 273–304.
6. *Wintrobe R.* The optimal level of bureaucratization within a firm // *Canadian Journal of Economics*. 1982. Vol. XV. No. 4. P. 649–668.
7. *Kaufman H.* Red Tape: Its origins, uses, and abuses. Brookings Institution Press, 1977.
8. *Goodsell C.* The Case for Bureaucracy: A Public Administration Polemic. 2nd ed. Chatham, N.J.: Chatham House, 1985.
9. *Gaviria A.* Assessing the effects of corruption and crime on firm performance: evidence from Latin America // *Emerging Markets Review*. 2002. № 3 (3). P. 245–268.
10. *Mauro P.* Corruption: causes, consequences, and agenda for further research. Finance and development. 1998. № 35(1). P. 11.
11. *Osipian A.L.* Corruption in higher education: Conceptual approaches and measurement techniques // *Research in Comparative and International Education*. 2007. № 2 (4) P. 313–332.
12. *Rose-Ackerman S.* Corruption and Government: causes, consequences, and reform. New York: Cambridge University Press, 1999.
13. *Guriev S.* Red Tape and Corruption // *Journal of Development Economics*. 2004. № 73 (2). P. 489–504.
14. *Holdaway E.A., Newberry J.F., Hickson D.J., Heron R.P.* Dimensions of organizations in complex societies: The educational sector // *Administrative Science Quarterly*. 1975. № 20 (1). P. 37–58.
15. *Бабинцев В. П.* Бюрократизация регионального вуза // *Высшее образование в России*. 2014. № 2. С. 30–37.
16. *Красинская Л.Ф.* Модернизация, оптимизация, бюрократизация... что ожидает высшую школу завтра? // *Высшее образование в России*. 2016. № 3. С. 73–82.
17. *Тхагапсоев Х.Г., Сапунов М.Б.* Российская образовательная реальность и её превращённые формы // *Высшее образование в России*. 2016. № 6 (202). С. 87–97.
18. *Ендовицкий Д.А., Бубнов Ю.А., Гайдар К.М.* Увеличение объёма документооборота как фактор снижения экономической эффективности вуза // *Высшее образование в России*. 2014. № 11. С. 17–24.
19. *Кочетков М.В.* Инновации и псевдоинновации в высшей школе // *Высшее образование в России*. 2014. № 3. С. 41–47.
20. *Trubnikova E.* The Elements of Recursive Control in the Education System of the Russian Federation // *Journal of Entrepreneurship & Innovation*. 2015. No. 7 (VII). P. 99–110.
21. *Балацкий Е.В.* «Ловушка аудиторных часов» и новая модель образования // *Высшее образование в России*. 2017. № 2 (209). С. 63–69.
22. *Acemoglu D., Robinson J.A.* Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. Crown Business, 2013.
23. *Жураковский В.М., Сазонова З.С.* Повышение квалификации научно-педагогических кадров: поиск новых организационных форм // *Высшее образование в России*. 2010. № 2. С. 27–31.
24. *Кравченко А.И.* «Мир наизнанку»: методология превращённой формы // *Социологические исследования*. 1990. № 12. С. 23–36.
25. *Мамардашвили М.К.* Форма превращённая // *Новая философская энциклопедия*. М.: Мысль, 2001. Т. 4. С. 264–266.
26. *Трубникова Е.И.* Захват регулирования образовательной среды: анализ отдельных аспектов // *Высшее образование в России*. 2016. № 11. С. 38–46.
27. Подготовка научно-педагогических кадров, педагогика высшей школы и инженерная педагогика: круглый стол (Часть II) // *Высшее образование в России*. 2016. № 7. С. 67–87.
28. *Шестак В.П., Шестак Н.В.* Аспирантура как третий уровень высшего образования: дискурсивное поле // *Высшее образование в России*. 2015. № 12. С. 22–34.
29. *Донских О.Н.* Дело о стандартах // *Высшее образование в России*. 2015. № 6. С. 36–43.
30. *Сенашенко В.С., Медникова Т.Б.* Компетентностный подход в высшем образовании: миф и реальность // *Высшее образование в России*. 2014. № 5. С. 34–46.
31. *Горин С.Г.* Компетентностная модель образования и академическая свобода: проблема

- выбора индивидуальных образовательных технологий // Идеи и идеалы. 2014. № 3 (21). Т. 1. С. 116–125.
32. Донских О.А. Дело о компетентностном подходе // Высшее образование в России. 2013. № 5. С. 36–45.
33. Прохоров С.Г., Свирина А.А., Чехонадских А.И. Мониторинг эффективности: инструмент сокращения или поиск точек роста? // Высшее образование в России. 2016. № 1 (197). С. 63–68.
34. Лейбенштайн Х. Аллокативная эффективность в сравнении с «Х-эффективностью» // Вехи экономической мысли. Т. 2. Теория фирмы. СПб.: Экономическая школа, 2000. С. 477–506.
35. Губа К. С. Publish or perish, или Развенчание меритократии в науке // Вопросы образования. 2011. № 3. С. 210–225.
36. Crane D. The academic marketplace revisited: A study of faculty mobility using the Cartter ratings // American Journal of Sociology 1970. № 75 (6). P. 953–964.
37. Long J.S. Productivity and academic position in the scientific career // American sociological review. 1978. Vol. 43. No. 6. P. 889–908.
38. Baldi S. Changes in the stratification structure of sociology, 1964–1992 // The American Sociologist. 1994. № 25 (4). P. 28–43.
39. Новиков Д.А. Померяемся «Хиршами»? (Размышления о наукометрии) // Высшее образование в России. 2015. № 2. С. 5–13.
40. Трубникова Е.И. Асимметрия информации и тенденции рынка научных публикаций // Высшее образование в России. 2017. № 3 (210). С. 26–36.
41. Oransky I., Marcus A. Gaming the system, scientific ‘cartels’ band together to cite each others’ work // Stat News. 2017. January 13. URL: <https://www.statnews.com/2017/01/13/citation-cartels-science/>
42. Трубникова Е.И. Трансакционные издержки деятельности работника высшей школы // Высшее образование в России. 2011. № 6. С. 123–128.
43. Горин С.Г. Зарплаты преподавателей вузов, гранты и научный протекционизм // Высшее образование в России. 2017. № 6 (213). С. 68–75.
44. Индикаторы науки 2017: статистический сборник / Ю.А. Войнилов, Н.В. Городникова, А.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. 304 с. С. 42. URL: https://www.hse.ru/data/2017/02/07/1167425345/Индикаторы_науки_2017.pdf

Статья поступила в редакцию 17.09.17

С доработки 17.11.17

Принята к публикации 05.12.17

RED TAPES IN THE SPHERE OF SCIENCE AND EDUCATION

Ekaterina I. TRUBNIKOVA – Dr. Sci. (Economics), Prof. of the Department of Enterprise Management, E-mail: ei.trubnikova@gmail.com

Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

Address: 1 Sovetskiy prosp., Kaliningrad, 236022, Russian Federation

Abstract. The article examines the regulatory burdens of the higher education sphere of Russia. The term «Red Tape» in modern economic literature is associated with presence of excessive regulatory requirements that cause waste of time and financial resources and do not provide benefits to society. Red Tapes mean excessive, meaningless paperwork, high degree of formalization and limitations, unnecessary procedures and numerous inefficient regulatory elements. The permanent reformation of the Russian education sector incorporates a broad range of regulatory requirements that lead to ambiguous results in the regulated sphere. The article analyzes possible purposes of the regulator and outcomes of these government interventions. The analysis shows that the attempts of achieving quantitative indicators have a negative impact on the regulated sphere of science and education. The aim of the article is to expose the negative outcomes of the bureaucratic mechanism, namely Red Tapes in the normative documents for possible regulatory intervention and modification.

Keywords: Red Tape, bureaucracy in higher education, regulatory intervention, regulatory failure, corruption, converted forms

Cite as: Trubnikova, E.I. (2018). [«Red Tape» in the Sphere of Science and Education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 1 (219), pp. 108-121. (In Russ., abstract in Eng.)

References

1. Bennett, J.T., Johnson, M.H. (1979). Paperwork and Bureaucracy. *Economic Inquiry*. No. 17(3), pp. 435.
2. Hall, R.H. (1963). The Concept of Bureaucracy: An Empirical Assessment. *American Journal of Sociology*. No. 69 (1), pp. 32-40.
3. Hall, R.H. (1968). Professionalization and Bureaucratization. *American sociological review*. Vol. 33. No. 1, pp. 92-104.
4. Bozeman, B., Scott, P. (1996). Bureaucratic Red Tape and Formalization: Untangling Conceptual Knots. *The American Review of Public Administration*. No. 26 (1), pp. 1-17.
5. Bozeman, B. (1993). A Theory of Government "Red Tape". *Journal of Public Administration Research and Theory*. No. 3 (3), pp. 273-304.
6. Wintrobe, R. (1982). The Optimal Level of Bureaucratization within a Firm. *Canadian Journal of Economics*, vol. XV, no. 4, pp. 649-668.
7. Kaufman, H. (1977). *Red Tape: Its Origins, Uses, and Abuses*. Brookings Institution Press.
8. Goodsell, C. (1985). *The Case for Bureaucracy: A Public Administration Polemic*. 2nd ed. Chatham, N.J.: Chatham House.
9. Gaviria, A. (2002). Assessing the Effects of Corruption and Crime on Firm Performance: Evidence from Latin America. *Emerging Markets Review*. No. 3 (3), pp. 245-268.
10. Mauro P. (1998). Corruption: Causes, Consequences, and Agenda for Further Research. *Finance and development*. No. 35 (1), p. 11.
11. Osipian, A. L. (2007). Corruption in Higher Education: Conceptual Approaches and Measurement Techniques. *Research in Comparative and International Education*. No. 2(4), pp. 313-332.
12. Rose-Ackerman, S. (1999). *Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform*, New York: Cambridge University Press.
13. Guriev, S. (2004). Red Tape and Corruption. *Journal of Development Economics*. No. 73 (2), pp. 489-504.
14. Holdaway, E.A., Newberry, J.F., Hickson, D.J., Heron, R.P. (1975). Dimensions of Organizations in Complex Societies: *The educational sector*. *Administrative Science Quarterly*. No. 20(1), pp. 37-58.
15. Babintsev, V.P. (2014). [Bureaucratization of a Regional University]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 2, pp. 30-37. (In Russ., abstract in Eng.)
16. Krasinskaya, L.F. (2016). [Modernization, Optimization, Bureaucratization... What Awaits Higher School Tomorrow?]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 3 (199), pp. 73-82. (In Russ., abstract in Eng.)
17. Tkhapapsoev, Kh.G., Sapunov, M.B. (2016). [Russian Educational Reality and Its Converted Forms]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 6 (202), pp. 87-97. (In Russ., abstract in Eng.)
18. Endovitskiy, D.A., Bubnov, Yu.A., Gaidar, K.M. (2014). [Increased Volume of Documents Circulation as a Factor of Decline of University's Economic Efficiency]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 11, pp. 17-24. (In Russ., abstract in Eng.)
19. Kochetkov, M.V. (2014). [Innovation and Pseudoinnovation at Higher School] *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 3, pp. 41-47. (In Russ., abstract in Eng.)
20. Trubnikova, E. (2015). The Elements of Recursive Control in the Education System of the Russian Federation. *Journal of Entrepreneurship & Innovation*. No. 7 (VII), pp. 99-110. (In Russ.)
21. Balatsky, E.V. (2017). ["Trap of Classroom Hours" and a New Model of Education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 2 (209), pp. 63-69. (In Russ., abstract in Eng.)
22. Acemoglu, D., Robinson, J. A. (2013). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. Crown Business.
23. Zhurakovskii, V.M., Sazonova, Z.S. (2010). [Further Training of the Teaching Staff: The Search of New Organizational Forms]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 2, pp. 27-31. (In Russ., abstract in Eng.)

24. Kravchenko, A.I. (1990). [The World Inside Out: The Methodology of the Transformed Form]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. [Sociological Research]. No. 12, pp. 23-36. (In Russ.)
25. Mamardashvili, M.K. (2000). [The Converted Form]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Encyclopedia of Philosophy]. Moscow: Mysl' Publ. Vol. 4, pp. 264-266. (In Russ.)
26. Trubnikova, E.I. (2016). [Regulatory Capture of the Higher Education Area: The Analysis of Some Aspects]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 11 (206), pp. 38-46. (In Russ., abstract in Eng.)
27. [Teaching Staff Training, Higher School Pedagogy, and Engineering Pedagogy: Round Table Discussion]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. 2016. No. 7 (203), pp. 67-87 (In Russ., abstract in Eng.)
28. Shestak, V.P., Shestak, N.V. (2015). [Postgraduate Studies at the Third Level of Higher Education: Discursive Field]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 12, pp. 22-34. (In Russ., abstract in Eng.)
29. Donskikh, O.A. (2015). [Case on Educational Standards]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 6, pp. 36-43. (In Russ., abstract in Eng.)
30. Senashenko, V.S., Mednikova, T.B. (2014). [Competence Approach in Higher Education: Myth and Reality]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 5, pp. 34-46. (In Russ., abstract in Eng.)
31. Gorin, S.G. (2014). [Competence Model of Education and Academic Freedom: The Problem of Choosing of Individual Educational Technologies]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals]. No. 3 (21). Vol. 1, pp. 116-125. (In Russ., abstract in Eng.)
32. Donskikh, O.A. (2013). [A Matter of Competency Based Approach]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 5, pp. 36-45. (In Russ., abstract in Eng.)
33. Prokhorov, S.G., Svirina, A.A., Chekhonadskikh, A.I. (2016). [Efficiency Monitoring: An Instrument for Reduction or an Engine for Growth?]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 1 (197), pp. 63-68. (In Russ., abstract in Eng.)
34. Leibenstein, H. (1978). X-Inefficiency Xists: Reply to an Xorcist. *The American Economic Review*, vol. 68. No.1. March 1978, pp. 203-211.
35. Guba, K.S. (2011). [Publish or Perish or Dispelling Meritocracy in Science]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 3, pp. 210-225. (In Russ., abstract in Eng.)
36. Crane, D. (1970). The Academic Marketplace Revisited: A Study of Faculty Mobility Using the Cartter Ratings. *American Journal of Sociology*. No. 75(6), pp. 953-964.
37. Long, J.S. (1978). Productivity and Academic Position in the Scientific Career. *American Sociological Review*. Vol. 43. No. 6, pp. 889-908.
38. Baldi, S. (1994). Changes in the stratification structure of sociology, 1964-1992. *The American Sociologist*, No. 25 (4), pp. 28-43.
39. Novikov, D. (2015). [Compete by «Hirsch's»?]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 2, pp. 5-13. (In Russ., abstract in Eng.)
40. Trubnikova, E.I. (2017). [The Information Asymmetry and Tendencies of the Market of Scientific Publications]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 3(210), pp. 26-36. (In Russ., abstract in Eng.)
41. Oransky, I., Marcus, A. (2017). Gaming the System, Scientific 'Cartels' Band Together to Cite Each Others' Work. *Stat News*, January 13. Available at: <https://www.statnews.com/2017/01/13/citation-cartels-science/>
42. Trubnikova, E. (2011). [Transactional Costs of a Worker of Higher School]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 6, pp. 123-129. (In Russ., abstract in Eng.)
43. Gorin, S.G. (2017). [Teachers' Salaries, Grants, Scientific Protectionism: Postnonclassical Approach]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 6 (213), pp. 68-75. (In Russ., abstract in Eng.)
44. Voinilov, Y.L., Gorodnikova, N.V., Hochberg, L.M. et al. (2017). *Indikatory nauki: statisticheskiy sbornik* [Science Indicators: 2017: Data Book]. National Research University Higher School of Economics. Moscow: HSE Publ., 304 p. Available at: https://www.hse.ru/data/2017/02/07/1167425345/Индикаторы_науки_2017.pdf (In Russ.)

*The paper was submitted 17.09.17
Received after reworking 17.11.17
Accepted for publication 05.12.17*